

Шэнь Хуайчжан боялся, что Цзинь Луаньдянь умрёт от ран, поэтому после каждого боя отправлял Хэ Цзинью ухаживать за ним. Хэ Цзинью не был бессердечным, но видел подобное слишком часто. Он спокойно вымыл тело Цзинь Луаньдяня, нанёс мазь от травм и переломов, переделал его в тёплую и удобную одежду и снова заковал в кандалы.

Хэ Цзинью доброжелательно предупредил его:

— Луаньдянь, не упрямясь, это только принесёт тебе больше страданий.

Цзинь Луаньдянь усмехнулся. Что бы он ни делал, Шэнь Хуайчжан не отпустит его.

Шэнь Хуайчжан снова навестил Цзинь Луаньдяня только через полгода. Цзинь Луаньдянь яростно бил ногами по каменным столбам в подземелье, цепи терлись о камни, создавая искры. Каждый раз, когда он выходил на свет, это было смертельно опасно, он не мог позволить себе расслабиться ни на мгновение. Цзинь Луаньдянь даже не взглянул на Шэнь Хуайчжана, полностью сосредоточившись на оттачивании своих боевых навыков.

Казалось, чем больше Шэнь Хуайчжан пытался сломить Цзинь Луаньдяня, тем труднее это становилось.

Шэнь Хуайчжан высокомерно произнёс:

— Не ожидал, что ты доживёшь до сих пор.

Цзинь Луаньдянь каждый раз чудом избегал смерти, и всё благодаря Шэнь Хуайчжану. Он спокойно ответил:

— Ты ещё жив, как я могу умереть.

Цзинь Луаньдянь остановил удары по столбам, каждый его шаг сопровождался грохотом кандалов. Он подошёл к Шэнь Хуайчжану и смело встретился с ним взглядом:

— Если я выиграю этот бой, верни мне Согласие на смертельный поединок.

Шэнь Хуайчжан не дал прямого ответа. Он смотрел на Цзинь Луаньдяня с некоторым удивлением. Раньше этот человек был мягким и покорным, не имея права вести себя так высокомерно. Раньше он не мог, и сейчас не может. Шэнь Хуайчжан хотел, чтобы он смирился и покорился, чтобы оправдать все усилия, которые он приложил, чтобы удержать его.

Цзинь Луаньдянь снял полотенце с верёвки и вытер пот с лица. За это время он сильно загорел, но в подземелье снова побледнел. Его белая кожа приобрела розовый оттенок, смесь белого и красного, что совсем не подходило для человека, живущего на грани смерти.

Цзинь Луаньдянь ждал, когда его выведут на ринг, чтобы снова сойтись в смертельной схватке с мощным противником. Если он победит, его имя будет вычеркнуто из Согласия на

смертельный поединок. Если проиграет, Шэнь Хуайчжан не позволит ему умереть.

Шэнь Хуайчжан был настоящим садистом. Он не собирался давать Цзинь Луаньдяню то, что тот хотел. Сегодня он пришёл, чтобы поставить на нём клеймо, и чтобы предотвратить заражение, в ближайшие дни он не будет участвовать в боях.

Мастер татуировки следовал указаниям Шэнь Хуайчжана и не использовал обезболивающее. После того как рисунок был нанесён, он начал вводить иглу прямо в кожу. Боль была пронизывающей, и это было хуже, чем быстрая смерть от удара ножом.

Цзинь Луаньдянь был прикован к кровати, он не сопротивлялся и не кричал, чтобы не дать Шэнь Хуайчжану повода для насмешек. Но он хотел плакать от боли, от бессилия, от отчаяния.

Кожа на рёбрах Цзинь Луаньдяня была тонкой, и Шэнь Хуайчжан наблюдал за процессом, что усиливало страдания. Игла проникала в кожу, словно достигая костей, боль была невыносимой. Он сдерживался, но в какой-то момент не смог сдержать стон.

На лбу и крыльях носа Цзинь Луаньдяня выступили капли пота, а кожа на груди была покрыта тонкими кровавыми линиями. Это вызывало у Шэнь Хуайчжана странное возбуждение. Он понял, что держал Цзинь Луаньдяня не только для того, чтобы тот сражался на ринге, хотя это было интересно.

— Шичжан, готово, — сказал мастер татуировки, собирая свои инструменты. — Не мочите рану, завтра придёте для нанесения цвета.

Шэнь Хуайчжан отослал остальных и сел на кровать, глядя на Цзинь Луаньдяня:

— Слышал?

Цзинь Луаньдянь закрыл глаза, не глядя на него.

Шэнь Хуайчжан провёл рукой по груди Цзинь Луаньдяня. Кожа казалась упругой, но на ощупь была мягкой и гладкой.

Цзинь Луаньдянь знал, что сопротивление бесполезно, и не возражал. Он встретился взглядом с Шэнь Хуайчжаном. Его глаза были способны обманывать и скрывать истинные чувства, они казались влажными, словно вот-вот заплачут. Это вызывало у Цзинь Луаньдяня дискомфорт, потому что Шэнь Хуайчжан не заслуживал сострадания.

Шэнь Хуайчжан наслаждался моментом. Его поцелуи были грубыми, он не только целовал, но и кусал. После того как он оставил следы зубов на лице Цзинь Луаньдяня, он начал расстёгивать пуговицы своей формы. Увидев следы на лице Цзинь Луаньдяня, он усмехнулся, потеряв интерес, застегнул пуговицы и ушёл без сожалений.

Вернувшись в Особняк Шэнь, Шэнь Хуайчжан обнаружил, что дверь в комнату Хэ Цзинью заперта. Он подумал, что тот либо употребляет наркотики, либо считает деньги, но комнате никого не было. Шэнь Хуайчжан вошёл в кабинет и случайно задел ящик, из которого высыпались различные предметы.

Шэнь Хуайчжан наклонился, чтобы собрать их. Он узнал чемодан Цзинь Луаньдяня. Внутри было мало одежды, зато много мелочей: пустая стеклянная бутылка с зелёной деревянной пробкой, две сигары и несколько пластинок. Шэнь Хуайчжан взял маску с изображением лица демона, примерил её и с усмешкой положил обратно.

Под белой шёлковой рубашкой он обнаружил небольшую коробочку из красного дерева с выгравированной надписью. Он ожидал найти внутри что-то ценное, но там был только пучок волос, перевязанный красной нитью, которая уже выцвела.

Шэнь Хуайчжан сложил все вещи обратно и вспомнил, как в детстве у него в кармане всегда был мешочек, куда он складывал разные мелочи, чтобы няня не выбросила их. Затем он просил Хэ Цзинью помочь оценить, есть ли среди них что-то ценное.

Детство в таких условиях сделало его характер странным. Даже сейчас Шэнь Чжэнжун относился к нему с презрением. В юности он получил психологическую травму и пошёл по пути саморазрушения. Разврат и азартные игры были лишь мелочью, убийства тоже. Встреча с ним была равносильна несчастью.

На следующий день Шэнь Хуайчжан снова пришёл. Подземелье было изолировано от летней жары, там было холодно и сыро. Если не считать отсутствия цветов и беседок, это было неплохое место для отдыха от зноя. Жар Шэнь Хуайчжана быстро угас.

Мастер татуировки, который работал вчера, заболел, и сегодня его заменил ученик.

Молодой мастер не стал медлить, продезинфицировал инструменты и приступил к работе. Запястья и лодыжки Цзинь Луаньдяня были крепко прикованы к кровати. Игла с чернилами входила в кожу, вызывая боль, от которой на лбу Цзинь Луаньдяня выступил пот, а ресницы дрожали от дыхания.

Шэнь Хуайчжан удивился, неужели это так больно? К счастью, процесс был быстрым, чтобы Цзинь Луаньдянь не начал кричать. Но когда он увидел результат, его лицо потемнело, и он холодно произнёс:

— Я заплатил большие деньги не для того, чтобы меня обманывали.

На рёбрах Цзинь Луаньдяня была не татуировка с драконом или тигром, а всего лишь пучок зелёного колоса, что нельзя было назвать настоящей татуировкой.

Мастер спокойно ответил:

— Шичжан, я бы не посмел обмануть вас. Моя репутация на кону, и если вы недовольны, можете наказать меня.

Шэнь Хуайчжан подошёл к кровати и посмотрел на зелёный колос:

— Это всё, на что ты способен?

Мастер говорил, как настоящий знаток:

— Шичжан, обычные татуировки остаются на коже, но наши татуировки работают на уровне костей. Они меняются с возрастом. Этот человек уже взрослый, и если бы мой мастер работал с ним, он бы использовал всего каплю чернил, чтобы через год на его рёбрах выросли цветы. Мои навыки не настолько совершенны, поэтому я просто посадил семя, которое через год прорастёт.

Шэнь Хуайчжан сомневался:

— Ты говоришь, что татуировка будет расти вместе с человеком?

Мастер улыбнулся:

— Именно так. У людей есть жизнь и смерть, у цветов — расцвет и увядание.

Шэнь Хуайчжан выслушал его объяснение, и это показалось ему интересным. Он сказал:

— Ты говоришь красиво, я подожду и посмотрю. Если это окажется ложью, ты потеряешь голову.

Мастер оставался спокоен:

— Шичжан, моя жизнь — мелочь, но репутация моего мастера важна. Я не осмелюсь солгать.

После ухода мастера Шэнь Хуайчжан провёл рукой по зелёному колосу на рёбрах Цзинь Луаньдяня:

— Красиво, тебе нравится?

<http://bllate.org/book/15577/1386798>